

Учитель

Молодой человек по имени Уильям Кримсворт отправляется в Брюссель, где устраивается работать учителем в школе для мальчиков у господина Пеле. Спустя время Уильям начинает совмещать новую работу с преподаванием в женском пансионе. Молодой учитель сразу же привлек внимание директрисы пансиона, Зораиды Рюте. И внимание это стало взаимным. Но однажды в стенах пансиона Уильям встречает способную и скромную ученицу по имени Фрэнсис Анри. Талантливая девушка становится его любимой ученицей. Вскоре Уильям понимает, что влюбился в кроткую и нежную Фрэнсис. О вспыхнувших между учителем и воспитанницей чувствах узнает мадемуазель Рюте. И в юной Фрэнсис она начинает видеть соперницу, от которой нужно избавиться любой ценой.

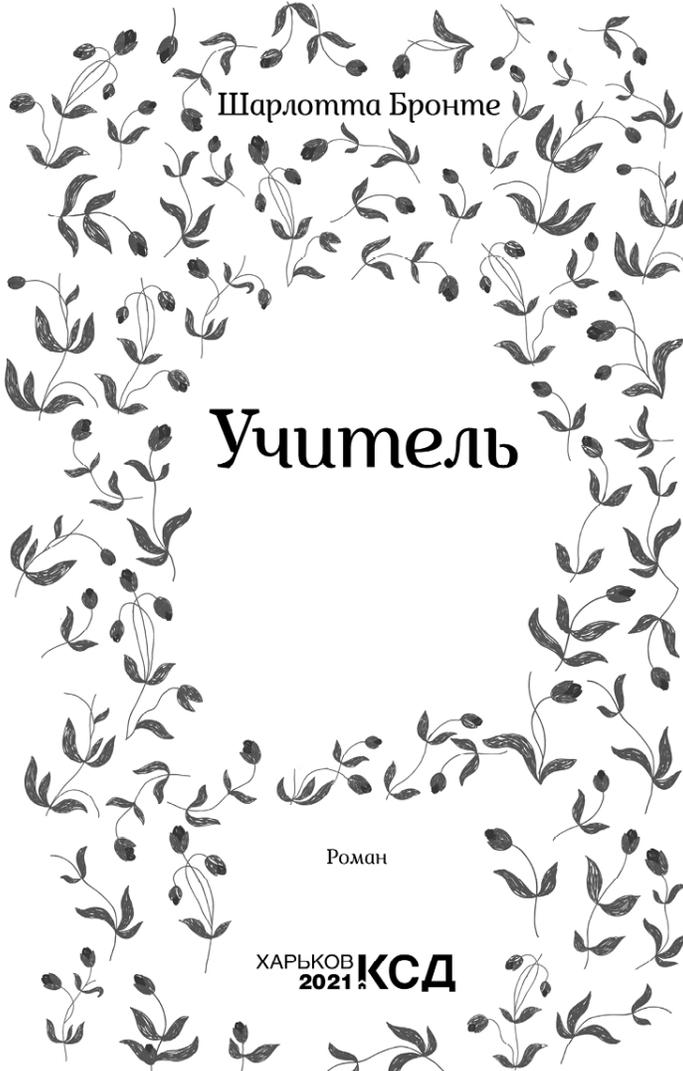
Шарлотта Бронте

Учитель

КСД

Шарлотта Бронте

Учитель

Роман

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-9256-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с английского *Н. Флейшман*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

Молодий чоловік на ім'я Вільям Крїмсворт вирушає в Брюссель, де влаштовується працювати вчителем у школі для хлопчиків у пана Пеле. Через певний час Вільям поєднує нову роботу з викладанням у жіночому пансіоні. Молодий учитель одразу ж привернув увагу директорки пансіону, Зораїди Рюте. І ця увага стала взаємною. Але одного разу в стінах пансіону Вільям зустрічає здібну й скромну ученицю на ім'я Френсіс Анрі. Талановита дівчина стає його улюбленою ученицею. Незабаром Вільям розуміє, що закохався в лагідну і ніжну Френсіс. Про те, що між учителем і вихованкою спалахнули почуття, дізнається мадемуазель Рюте. І в юній Френсіс вона впізнає суперницю, якої потрібно позбутися за будь-яку ціну.

Бронте Ш.

Б88 Учитель : роман / Шарлотта Бронте ; пер. с англ. Н. Флейшман.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 304 с.

ISBN 978-617-12-9078-5

Молодой человек по имени Уильям Кримсворт отправляется в Брюссель, где устраивается работать учителем в школе для мальчиков у господина Пеле. Спустя время Уильям начинает совмещать новую работу с преподаванием в женском пансионе. Молодой учитель сразу же привлек внимание директрисы пансиона, Зораиды Рюте. И внимание это стало взаимным. Но однажды в стенах пансиона Уильям встречает способную и скромную ученицу по имени Фрэнсис Анри. Талантливая девушка становится его любимой ученицей. Вскоре Уильям понимает, что влюбился в кроткую и нежную Фрэнсис. О вспыхнувших между учителем и воспитанницей чувствах узнает мадемуазель Рюте. И в юной Фрэнсис она распознает соперницу, от которой нужно избавиться любой ценой.

УДК 821.111

© Флейшман Н. Б., перевод на русский язык, 2021

© DepositPhotos.com / YokoDesign, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Глава I

Разбирая на днях свои бумаги, я обнаружил в конторке черновик письма, год назад отправленного моему школьному приятелю:

«Любезный Чарлз, помнится, в бытность нашу в Итоне всеобщим расположением ни ты, ни я не пользовались; ты неизменно отличался редкой проницательностью и хладнокровием, цепким умом и извечным сарказмом; себя изобразить не буду и пытаться, во всяком случае не припомню, чтобы персоне моя была в Итоне особо популярной. Каким магнетизмом притянуло нас друг к другу — не знаю; я, определенно, никогда не питал к тебе тех чувств, что Пилад к Оресту, и уверен, что ты в отношении меня тоже далек был от чрезмерной чувствительности. Впрочем, это ничуть не мешало нам с тобой после занятий подолгу прогуливаться вдвоем и беседовать; во мнениях о школьных товарищах и учителях мы, как правило, были единомышленны; когда же я, случалось, пускался в сантименты, выказывая восторг к чему-либо изысканному, прекрасному — не важно, одушевленному или нет, — твоя сардоническая холодность в ответ нимало меня не трогала. Я ощущал себя выше этого — как, впрочем, и теперь.

Долго я не писал тебе, не видел же тебя еще дольше. Но вот недавно в руки мне попала газета вашего графства, и тут же я наткнулся на твое имя. Я пустился вспоминать былое; все происшедшее с той поры, как мы расстались, пронеслось передо мной — и я сел и взялся писать это письмо. В какой мере ты сейчас занят, не знаю, но ежели изволишь уделить мне некоторое время, то узнаешь в подробностях, как обстоят мои дела.

Начну с того, как по окончании Итона я встретился с дядюшками по материнской линии — лордом Тайнделлом и достопочтенным Джоном Сикомбом. Меня спросили, намерен ли я принять духовный сан, и мой дядя-лорд тут же предложил мне курируемый им сикомбский приход (если, конечно, я изъявлю согласие сделаться духовником); другой же мой дядя, мистер Сикомб, намекнул, что, когда я приму сей приход, мне позволено будет заполучить в качестве хозяйки дома и первой леди прихода одну из шести моих кузин, его

дочерей (которые, признаться, все как одна внушают мне великую неприязнь).

Я отказался и от сана, и от брака. Хороший священник — дело хорошее, вот только из меня он определенно выйдет прескверный. Что же насчет жены... О, одна мысль, что я навеки привяжу себя к одной из этих кузин, — сущий кошмар! Конечно, они милостивы и недурно воспитаны; однако их обаяние и прочие достоинства не задевают в моем сердце ни единой струны. Представить только, что долгие зимние вечера я буду просиживать в сикомбском приходе, в гостиной у камелька, один на один с какой-нибудь из них — например, с большой и мастерски изваянной статуей, с Сарой... Нет, плохим я буду мужем, да и священником, при таких-то обстоятельствах, тоже.

Когда я отверг предложения дядюшек, они поинтересовались, чем же тогда я намерен заняться. Я отвечал, что еще поразмыслю. Тогда мне напомнили, что я не имею ни состояния, ни каких-либо видов на наследство, и, выдержав многозначительную паузу, лорд Тайнделл сурово спросил, не собираюсь ли я пуститься по отцовским стопам и сделаться коммерсантом. Разумеется, ни о чем подобном я не помышлял. Вряд ли при моем характере и образе мыслей из меня мог выйти дельный коммерсант; мои вкусы, воззрения, мои пристрастия совершенно не сочетаются с этим поприщем. Но в том, как лорд Тайнделл выговорил слово “коммерсант”, звучало такое презрение, столько высокомерного сарказма было в его тоне — что я тотчас решил. Да, отец оставил мне одно только имя — однако я не выношу, когда это имя произносят с пренебрежением. С горячей поспешностью я отвечал, что “да, я не вижу для себя ничего лучшего, как двинуться по отцовской стезе, что я займусь коммерцией”.

Дядюшки не стали мне ничего возражать, и мы простились, уже испытывая друг к другу глубокое отвращение.

Вспоминая теперь ту встречу, я нахожу, что поступил совершенно правильно, сбросив с себя бремя тайнделловской опеки; однако в то же время я глупо подставил свои плечи под не меньшую тяжесть, которой, конечно, прежде никогда не подымал.

Я немедленно написал Эдварду — ты, кажется, знаешь Эдварда, — единственному моему брату, который старше меня на десять лет. Тот женился на дочери весьма состоятельного фабриканта, теперь

Открыл мне слуга; я назвал свое имя, после чего тот принял мой чемодан и мокрый плащ и проводил в библиотеку с пылающим камином и зажженными свечами на столе; слуга сообщил, что хозяин еще не вернулся из К***, но в течение получаса непременно будет.

Предоставленный самому себе, я устроился у камина в мягком кресле с красной сафьяновой обивкой и, глядя, как мечутся над раскаленными угольями языки пламени, как просыпается сквозь колосник зола, пытался вообразить предстоящее свидание. В предположениях моих одно было несомненно: жестокое разочарование мне определенно не грозило; скромность моих надежд мне это гарантировала. Я не предвкушал бурных изъявлений братской нежности: все письма Эдварда были точно специально написаны так, чтобы во мне не зародилось никаких иллюзий на этот счет. Тем не менее, пока я сидел в ожидании его прибытия, нетерпение мое все усиливалось; не знаю почему, рука моя, столь непривычная к рукопожатиям родственников, сжалась в кулак, чтобы унять дрожь волнения.

Вспомнив о Тайнделле и Сикомбе, я заключил, что безразличие ко мне Эдварда будет, пожалуй, сравнимо с оказываемым ими холодным пренебрежением. Тут я услышал, как открыли ворота и к дому подкатил экипаж. Итак, мистер Кримсворт прибыл; небольшая заминка, краткий разговор в холле — и шаги его послышались у двери в библиотеку — шаги, возвещавшие о появлении богатого и преуспевающего хозяина дома.

Я смутно помнил, каким был Эдвард десять лет назад — высоким, худощавым, не вполне оформившимся юношей, — теперь же, поднявшись с кресла и оборотясь к двери, я увидел светловолосого человека атлетического сложения, с красивым властным лицом: в каждом его движении, в осанке, в глазах, в выражении лица сквозили практичность и расчетливость. Эдвард коротко приветствовал меня и, пожмая руку, смерил взглядом; затем он опустился в сафьянное кресло и указал, куда мне сесть.

— Я ожидал вас у себя в конторе, — сказал он; голос его был резковат; кроме того, говорил Эдвард с гортанным северным акцентом, не радовавшим мой слух, привыкший к серебристому говору юга.

— Я справился о вас в гостинице, и хозяин направил меня сюда, — сказал я. — Признаться, я поначалу усомнился в его словах, не зная, что у вас за городом такая резиденция.

— Все это хорошо, — ответил он, — только я полчаса потратил, вас ожидая. Я полагал, вы будете с восьмичасовым дилижансом.

Я выразил сожаление, что ему пришлось ждать; Эдвард ничего не ответил, вместо этого, явно чтобы скрыть раздражение, помешал в камине, затем он снова оглядел меня.

Я рад был, что в первый момент нашей встречи не проявил ни восторженности, ни особой теплоты, что встретил этого человека с холодным, невозмутимым равнодушием.

— Вы совершенно порвали с Тайнделлом и Сикомбом? — спросил он раздраженно.

— Едва ли у нас с ними будет еще какая-либо связь; надо думать, мой отказ от всего ими предложенного исключает возможность дальнейшего общения.

— Хочу предупредить вас с самого начала, — сказал Эдвард, — на двух господ, как говорится, не послужишь. Любые контакты с лордом Тайнделлом исключают содействие с моей стороны. — Высказав это, Эдвард взглянул на меня с неожиданной и, казалось, ничем не вызванной угрозой.

Не чувствуя в себе ни малейшего желания ему возразить, я утешился мыслью о том, сколь по-разному устроены людские умы. Не знаю уж, что заключил мистер Кримсворт из моего молчания — принял его за проявление упрямства или же решил, что запугал меня своей властностью и непреклонностью.

Опустив на меня долгий, тяжелый взгляд, Эдвард резко поднялся с кресла.

— Завтра, — сказал он, — мы обсудим с вами прочие вопросы; теперь же время ужинать, миссис Кримсворт, наверно, меня заждалась. Вы соблаговолите пройти?

И он размашистым шагом вышел из библиотеки; я проследовал за ним. Идя через холл, я попытался представить миссис Кримсворт. “Из того ли она разряда людей, что Тайнделл, Сикомб и его дочери, или этот вот любящий родственник, вышагивающий впереди? Может, она окажется выше их? Может, в ней я найду родственную душу и смогу раскрыть истинную мою сущность; или, может

статья...” Тут размышления мои были прерваны: я вошел в столовую.

Светильник под матовым стеклянным колпаком освещал уютную, обшитую дубом комнату. Ужин уже подали. У камина, явно в ожидании нашего прихода, стояла молодая женщина, высокая и недурно сложенная, облаченная в красивое, модного покроя платье, — все это я отметил, едва вошел. Встретились они с мистером Кримсвортом весело и оживленно; при этом миссис Кримсворт полуигриво-полуобиженно побранила его за опоздание; голос ее (а для меня голос всегда немаловажен, когда я сужу о чьем-либо характере) — голос ее был живой и звонкий, указывал он, как я тогда заключил, на легкость и жизнерадостность обладателя. Мистер Кримсворт умерил ее наигранный гнев поцелуем — поцелуем первой поры супружества (семейной их жизни не было еще и года), — и миссис Кримсворт уселась за стол в превосходном расположении духа.

Обнаружив наконец мое присутствие, она извинилась, что не заметила меня прежде, и пожала мне руку с тою радостной порывистостью, каковую юные леди в минуты душевного подъема проявляют ко всем, даже к самым безразличным к их расположению. Я отметил про себя, что стан ее и впрямь красив, черты лица излишне крупны, однако приятны; волосы же ее были рыжие — совершенно рыжие. Супруги Кримсворт болтали без умолку, и все в том же игривом духе; она сердилась (вернее, изображала рассерженность) на то, что он велел заложить в кабриолет норовистого коня, чем заставил ее немало поволноваться; время от времени миссис Кримсворт обращалась ко мне:

— Не правда ли, Уильям, это просто нелепо. Эдвард утверждает, что будет запрягать только Джсекки, а не другую лошадь, при том что это чудовище уже дважды опрокинуло его экипаж.

Говорила она с легкой шепелявостью (впрочем, не раздражающею слух), по-детски. В лице ее, с отнюдь не детскими чертами, также было нечто младенчески наивное; эта шепелеватость и детские гримаски были, без сомнения, очаровательны в глазах Эдварда, да и многим мужчинам показались бы довольно милыми — только не мне. Я ловил ее взгляд, надеясь обнаружить в глазах этой женщины ум, которого не ощущалось в чертах и в речи; взгляд был весел и быстр,

в его переменчивости мелькали оживленность, тщеславие, кокетство — но тщетно искал я хоть просвета ее души. Признаться, я не особый ценитель восточных прелестей; белоснежная кожа, карминные губы и нежный румянец, гроздь блестящих локонов — ничто для меня, если при этом нет прометеевой искры, что будет жить, когда розы и лилии увянут, а вместо блеска в волосах останется лишь пепел седины. Когда солнце и удача улыбаются, хорошо распускаться и цвести; но сколько в жизни дождливых дней, дней ноябрьской тоски, когда в доме и в сердце человеческом холодеет без чистого, живого блеска души и ума.

Итак, взглядевшись в пустую страницу лица миссис Кримсворт, я, разочарованный, невольно вздохнул; она же, надо полагать, приняла это как дань своей красоте, и Эдвард, который, очевидно, гордился богатой и миловидной избранницей, метнул в меня насмешливо--сердитый взгляд.

Я отвернулся от них и скучающе обвел взглядом столовую. На стене по обе стороны от камина я увидел по картине. Оставив мистера и миссис Кримсворт поддразнивать друг друга в их веселой беседе, я целиком сосредоточился на портретах. Изображенные на них леди и джентльмен одеты были по моде где-то двадцатилетней давности. Портрет джентльмена был затенен, и я не мог хорошо его рассмотреть. Леди же в смысле освещения имела преимущество за счет чуть приглушенного абажуром светильника. Я тотчас узнал ее, ибо видел эту картину еще в детстве; на ней написана была моя матушка. Эта и вторая картина составляли фамильные наши ценности, которые единственные удалось спасти, когда все отцовское имущество пошло с молотка.

В детстве я, помнится, любовался этим лицом, потом не понимал его красоты; теперь же я знал, как редко встречается такой тип лица, и только сейчас сумел понять и оценить его задумчивую прелесть и душевность. Столько очарования и неподдельной нежности было в этих серьезных серых глазах, в светлых и выразительных чертах... Я пожалел, что передо мной всего лишь картина.

Довольно скоро я оставил мистера и миссис Кримсворт, и слуга проводил меня в отведенную мне комнату; вот тогда, затворив дверь, я тем самым разом затворился от всех, уйдя в себя и надолго

отдалившись от какого бы то ни было общества — и от твоего, Чарлз, в том числе.

На сем пока прощаюсь, Уильям Кримсворт».

Ответа на свое письмо я не получил; приятель мой, как выяснил я позже, получил назначение в одну из колоний и уже отправился к месту своей службы. Что случилось с ним после, даже и не знаю. Ту историю, что я собирался изложить в частной переписке, теперь посвящаю аудитории более широкой. Тех читателей, что подвизались на том же поприще, что и я, она непременно заинтересует, и мои наблюдения они найдут созвучными своему опыту. Письмо же, приведенное выше, послужит вступлением к моему повествованию. Теперь продолжаю...

Глава II

Первый встреченный мною день в Кримсворт-холле выдался ясным. Спозаранку я был уже на ногах и прогуливался близ дома. Осеннее солнце поднялось над ***ширскими холмами, высветив радующую взор картину; по-осеннему буроватые рощицы и колки разнообразили сжатые поля; река, скользящая меж рощами, отражала холодное октябрьское солнце и небо; местами по берегам ее, точно стройные башни, высились трубы полускрытых деревьями фабрик; там и сям, словно облюбовав получше местечки на склонах холмов, расположились строения вроде Кримсворт-холла; в целом пейзаж сей внушал ощущение кипучей деятельности и изобилия — существование же фабрик, паровых машин и прочей техники лишало его романтической первозданности. За пятью милями лежащая меж низких холмов долина вместила в свою чашу большой город К***, над которым сейчас нависала густая, неподвижная пелена — там-то и располагалось предприятие Эдварда.

Довольно долго я рассматривал открывшуюся мне картину; и, когда я понял, что сердцу моему она не приносит ни малейшей радости, что вид этот не пробуждает во мне никаких надежд, естественных для человека, видящего пред собой арену своей будущей карьеры, — я сказал себе: «Уильям, чего роптать на обстоятельства; ты глупец и сам не знаешь, чего хочешь; ты сам избрал для себя этот путь и — никуда не денешься — будешь коммерсантом. Взгляни! — продолжал я. — Видишь черный дым вон в той ложбине? Так знай, что там и будет твое поле деятельности! Там ты уже не сможешь мечтать, не сможешь подолгу предаваться размышлениям — там ты погаснешь душою и будешь только работать».

Наставив себя таким образом, я вернулся в дом. Брат вышел уже в столовую. Поздоровался я с ним довольно холодно; Эдвард стоял у камина спиной к огню — сколько неприязни прочитал я в его глазах, когда подошел пожелать доброго утра! Он кивнул, буркнул в ответ: «Доброе утро», затем схватил со стола газету и принялся изучать ее с видом высокопоставленной особы, ищущей любой предлог, чтобы только избавиться от докучливой мелкой сошки. Хорошо, я настроился

перетерпеть некоторое время, иначе я едва ли смог бы заглушить в себе все возраставшую неприязнь к Эдварду.

Я смерил взглядом его крепко сбитую, внушительных размеров фигуру. Потом посмотрел на собственное отражение в зеркале над камином — и занялся сопоставлением двух этих особ. Лицом я был несколько похож на Эдварда, хотя и не был красив: черты лица у меня были неправильные. Намного уступал я и телосложением: я был худощав и не столь высок. В отношении физическом Эдвард, безусловно, меня обошел; но сумеет ли он утвердить верховенство в плане умственном, как человек, у которого мне предстоит служить, — ибо от него не следует ожидать львиного великодушия к слабому; холодность и расчетливость, сквозящие в его глазах, его жесткая, отталкивающая манера держаться говорили о том, что пощады не будет. Победил ли я его умом в итоге? Не знаю. Да я никогда особенно и не пытался...

Появление миссис Кримсворт на время отвлекло меня от этих мыслей. Она была удивительно хороша в белом платье и вся благоухала утренней свежестью. Я заговорил с ней с легкой непринужденностью, оправдываемой, как мне казалось, ее вчерашней беззаботной веселостью; однако ж миссис Кримсворт отвечала мне холодно и весьма сдержанно: разве могла она допустить какие-либо фамильярности со служащим своего мужа.

Только покончили с завтраком, как мистер Кримсворт объявил, что экипаж вот-вот подадут и что через пять минут он ждет меня, чтобы отправиться в К***. Я не заставил долго себя ждать, и вскоре мы уже были в пути. В кабриолет впрягли именно то несносное животное, так пугавшее миссис Кримсворт. Пару раз Джек пытался было выказать свой непокорный нрав, однако сильные и точные удары хлыстом в безжалостной руке хозяина быстро заставили его смириться; Эдвард в ярости раздувал ноздри и явно гордился одержанной им в этом состязании победой. За всю дорогу он ни разу не заговорил со мной, лишь время от времени сквозь зубы проклинал коня.

Когда мы добрались до К***, в городе царили оживление и суета; мы прокатились по чистым улочкам с жилыми домиками и магазинами, церквями и трактирами; затем въехали в скопление фабричных построек, складов и, наконец миновав массивные ворота, оказались на огромном мощеном дворе — это и был Бигбен-Клоуз. Перед нами была фабрика, извергавшая копоть из высоких труб

и дрожавшая толстыми кирпичными стенами от напряженной работы чугунных котлов. На дворе туда и сюда, мимо тележки с материалом, сновали рабочие. Мистер Кримсворт оглядел двор хозяйским оком, разом ухватив все в малейших подробностях; он выбрался из кабриолета, передал коня с экипажем на попечение человека, поспешно принявшего у него вожжи, и велел мне пройти за ним в контору.

Интерьером контора разительно отличалась от апартаментов Кримсворт-холла — помещение, предназначенное исключительно для работы, с голым деревянным полом, шкафом, двумя конторками с высокими табуретами и несколькими стульями. Восседавший на табурете за одной из конторок джентльмен при появлении мистера Кримсворта снял шляпу и тут же снова погрузился в работу.

Мистер Кримсворт снял макинтош и сел поближе к огню. Я остался стоять; наконец он произнес:

— Стейтон, соблаговолите удалиться, мне надо обсудить с этим джентльменом кое-какие дела. Возвращайтесь, как услышите звонок.

Человек за конторкой мигом встал и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Мистер Кримсворт пошевелил в камине, затем скрестил руки на груди и минуту сидел в раздумье, поджав губы и нахмурясь. От нечего делать я стал его разглядывать. С каким изяществом вырезаны его черты! Сколько красоты в этом облике — и какой контраст с тяжестью и тупой ограниченностью в глазах и выражении лица.

Обернувшись ко мне, Эдвард резко заговорил:

— Итак, вы прибыли в ***шир, чтобы научиться предпринимательству?

— Да.

— И что, вы настроены решительно?

— Да.

— Что ж, ладно. Помогать вам я не обязан, но у меня есть вакантное место, может, вы окажетесь для него пригодны. Я возьму вас с испытанием. Что вы умеете делать? Знаете ли вы хоть что-нибудь, кроме того вздора, которому вас обучили в Итоне, вроде греческого да латыни?

— Я изучал и математику.

— О да! С позволения сказать, изучали.

— Я умею читать и писать по-французски и по-немецки.

— Гм...

Минуту он подумал, затем выдвинул ящичек ближайшей к нему конторки, извлек оттуда письмо и подал мне.

— Вот это прочтете? — спросил он.

Письмо было деловое, коммерческое, на немецком; я перевел его; затрудняюсь сказать, остался ли удовлетворен мистер Кримсворт моим переводом, — лицо его ничего не выражало.

— Хорошо, — сказал он, немного помолчав, — что вас ознакомили хоть с чем-то полезным, что сможет обеспечить вам пропитание и жилье; поскольку вы знаете французский и немецкий, я приму вас к себе клерком, будете вести иностранную корреспонденцию. Я положу вам неплохое жалованье — девяносто фунтов в год. А теперь, — продолжал он, возвысив голос, — хочу сказать вам раз и навсегда по поводу нашего родства и прочей подобной чепухи: никаких недоразумений на этот счет быть не должно; мне это совершенно ни к чему. Я не буду снисходителен к вам потому только, что вы мне приходитеесь братом; если я обнаружу у вас недостаток ума, небрежность, рассеянность, леность или другие пороки, идущие в ущерб интересам моего предприятия, я рассчитаю вас, как любого другого служащего. Девяносто фунтов в год — деньги немалые, и за них я ожидаю получить от вас сполна; помните также, что действительную ценность здесь имеют лишь деловые качества — привычки, чувствования и образ мыслей исключительно *делового* человека. Вы меня понимаете?

— Отчасти, — отвечал я. — Я полагаю, вы хотите сказать, что за получаемое жалованье я обязан выполнять определенную работу, не смею ожидать от вас благоволения и не смею рассчитывать ни на какую помощь, а должен буду довольствоваться лишь тем, что сам я заработаю; это вполне меня устраивает, и на этих условиях я согласен служить у вас.

Тут я круто развернулся и прошел к окну; теперь я не видел Эдварда, не видел, что отразилось на его лице после моих слов; впрочем, мнение мистера Кримсворта меня тогда мало беспокоило. Выдержав довольно долгую паузу, он сказал:

— Возможно, вы рассчитываете устроиться в Кримсворт-холле и ездить на работу со мной в кабриолете. Между тем, да будет вам известно, это весьма меня стеснит. Я предпочел бы иметь в экипаже

свободное место на случай, если из каких-либо деловых соображений мне понадобится, к примеру, пригласить к себе какого-нибудь джентльмена. Вы подыщете квартиру в К***.

Я оторвался от окна и вернулся к камину.

— Разумеется, я подыщу квартиру в К***, — ответил я. — Для меня и самого было бы неудобно жить в Кримсворт-холле.

Произнес я это, как обыкновенно, спокойным, ровным голосом; тем не менее голубые глаза мистера Кримсворта тут же вспыхнули, и отыгрался он довольно странно. Повернувшись ко мне, он произнес грубоватым тоном:

— Надо думать, средств у вас нет никаких; и как вы рассчитываете прожить, пока вам не выплатят квартальное жалованье?

— Проживу.

— Как вы рассчитываете прожить? — повторил он громче.

— Как сумею, мистер Кримсворт.

— В долги забирайтесь на собственный риск, ясно? Насколько мне известно, у вас привычки мота. Если так, избавляйтесь от них. Ничего подобного я здесь не потерплю, и вы никогда не получите от меня ни шиллинга сверх жалованья, в каких бы долгах вы ни обретались, — запомните это раз и навсегда.

— Да, мистер Кримсворт, сами убедитесь: у меня хорошая память.

Это все, что я сказал. Для переговоров посерьезнее было еще не время. Инстинктивно я чувствовал, что не стоит подолгу испытывать самообладание такого человека, как Эдвард. И мысленно я сказал себе: «Я готов принять это испытание. Когда чаша наполнится — хлынет через край, а пока — терпение. Вне сомнения две вещи: первое — я способен справиться с работой, предоставленной мне мистером Кримсвортом; второе — я могу честно заработать некоторые средства, и средств этих хватит мне на жизнь. А что братец мой усвоил себе манеры надменного и строгого господина — ему упрек, не мне. Неужели его несправедливость заставит меня свернуть с однажды избранного пути? Нет. А если, в конце концов, я когда-нибудь и отступлю, то к тому времени пройду уже достаточно, чтобы видеть, куда этот путь меня ведет. Поскольку пока что я лишь толкусь у входа, то для начала миную нужду; хуже начала конец уж точно не будет».

Пока я размышлял таким образом, мистер Кримсворт позвонил; клерк — упомянутый выше субъект, предусмотрительно

«освобожденный» от наших переговоров, — вернулся.

— Мистер Стейтон, — сказал Кримсворт, — выдайте мистеру Уильяму корреспонденцию от «Братьев Восс» и наши письма им на английском — он переведет.

Мистер Стейтон, человек лет тридцати пяти, с лицом мрачным и вместе с тем хитроватым, поспешил исполнить приказание; он выложил бумаги на стол, и я тут же засел за них и принялся переводить на немецкий деловые письма Кримсворта. Радость от этой первой моей попытке самому заработать на хлеб не угасала даже от присутствия надсмотрщика, который то и дело становился у меня над душой и наблюдал, как я пишу. Мне казалось, он хотел испытать мой характер, но под его пронизывающим взглядом я ощущал себя в такой безопасности, точно на мне был шлем с опущенным забралом; или же я приоткрывался ему — но с невозмутимой уверенностью человека, который показывает неграмотному сугубо личное письмо, писанное по-гречески; тот увидит строки, даже, может быть, разберет какие-то буквы — но он ничего не сможет прочесть; моя натура была Стейтону чужда, и проявления ее были для него, что слова из незнакомого языка. Очень скоро, очевидно, осознав тщету своих потуг, он резко развернулся и вышел из конторы; в тот день Стейтон еще пару раз появлялся; он разбавлял и быстро опрокидывал в себя стакан бренди (все необходимое он извлекал из шкафчика, висевшего сбоку от камина); затем, глянув на мои переводы — а читал он и по-французски, и по-немецки, — он в молчании покидал контору.

Глава III

Так стал я служить у Эдварда клерком. Работником я был честным, пунктуальным и весьма прилежным. Все, что мне поручалось, я выполнял безукоризненно. Мистер Кримсворт старательно выискивал огрехи в моей работе, но безуспешно; присматривать за мною он наказал также и Тимоти Стейтону, своему любимцу и правой руке; однако Тим попал впросак: в работе я был, как и он, точен, зато куда проворнее. Мистер Кримсворт время от времени справлялся, как я живу, не влез ли в долги, — но нет, касательно расчетов от квартирной хозяйки не было ни малейших нареканий. Я нанимал маленькую квартирку, платить за которую ухитрялся из своих скудных, еще итонских сбережений. Поскольку мне давно уже претило просить у дядюшек дополнительных денег, я рано усвоил принципы самоограничения и жесткой экономии и расходовал ежемесячное содержание с неизменной бережливостью, чтобы даже в случае острой необходимости мне не пришлось взывать к ним о помощи. Помню, многие тогда называли меня скрягой, и на упрек этот я про себя возражал тем, что лучше быть непонятым сейчас, чем униженным в будущем. Теперь я был за это вознагражден; впрочем, вознагражден я был и раньше — при свидании с моими вспыльчивыми дядюшками: когда один из них бросил передо мной на стол банкноту в пять фунтов, которой я не взял, сказав, что дорожные расходы мною уже предусмотрены.

Далее, мистер Кримсворт поручил Тиму выяснить, нет ли у моей квартирной хозяйки каких-либо жалоб на предмет моей нравственности; та отвечала, что не сомневается в моей добропорядочности и благочестии, и в свою очередь спросила, не кажется ли мистеру Стейтону, что я подумываю когда-нибудь стать священником, ибо, сказала она, в ее доме одно время жили молодые священники, которые и сравниться не могли со мною в степенности и спокойном, тихом нраве. (Тим сам был «человеком религиозным», точнее, приверженцем методистской церкви, что, разумеется, не мешало ему быть одновременно и первостатейным плутом.) Ушел мистер Стейтон, весьма озадаченный столь лестным отзывом о благопристойности моего образа жизни.

Услышанное он передал мистеру Кримсворту, и сей джентльмен, который в церковь особо не частил и не поклонялся никаким богам, кроме как золотому тельцу, решил использовать выведенное у квартирной хозяйки как средство взорвать мою невозмутимость. Начал он атаку серией чуть завуалированных издевок, цели которых я поначалу не понимал, пока хозяйка однажды не передала мне свой разговор с мистером Стейтоном. Для меня сразу все прояснилось; теперь в контору я пришел уже внутренне подготовленным и отражал богохульный сарказм хозяина-фабриканта непрошибаемым безразличием. Скоро Эдварду наскучило осаждать статую, однако стрел он не выкинул, а до поры до времени приберег в колчане.

Однажды меня пригласили в Кримсворт-холл на большой званый вечер, устроенный по случаю дня рождения хозяина; на подобные торжества он имел обыкновение приглашать служащих и посему обойти меня не мог. Впрочем, держали меня строго в тени. Миссис Кримсворт, в элегантном атласном с кружевом платье, цветущая, пышущая молодостью и здоровьем, удостоила меня сухим, холодным кивком — не более; Кримсворт, конечно же, не перемолвился со мною ни словом; из стайки юных леди, в облачках белого газа и муслина сидевших по другую сторону огромной залы, меня никому не представили. Таким образом, меня совершенно изолировали, и я только издали созерцал сияющих гостей да, утомившись столь ослепительным зрелищем, разнообразил свое времяпрепровождение изучением узора на ковре.

Мистер Кримсворт тем временем стоял, облокотясь о мраморную каминную полку, в обществе хорошеньких девиц, с которыми оживленно беседовал. И вот он воззрился на меня — я выглядел измученным, одиноким и подавленным, как какой-нибудь жалкий, несчастный учитель; он остался удовлетворен.

Начались танцы. Как хотелось мне быть представленным какой-нибудь милой и умной девушке, показать, что я способен на подлинное чувство и могу быть приятен в общении, что я не камень или предмет мебели, но деятельный, мыслящий, глубоко чувствующий человек. Мимо меня скользили улыбающиеся лица и грациозные фигурки, но улыбки эти расточались другим, фигурки поддерживались в танце другими, не мною. Наконец, не вынеся этих танталовых мук, я покинул залу и побрел в дубовую столовую.

Ни малейшая симпатия, ни какое бы то ни было взаимопонимание не связывали меня ни с одним живым существом в этом доме. Оглядевшись в столовой, я увидел портрет матери. Высвободил из подсвечника восковую свечку, поднял повыше. Долго и пытливо всматривался я в портрет, тянулся сердцем к этому образу. От матушки моей, понял я, вместе с многими ее чертами — широким лбом, темными, глубоко посаженными глазами, темными волосами — передалась мне задумчивая выразительность лица.

Никакая совершенная красота не в силах так умилишь эгоистичное человеческое существо, как приукрашенный портрет его особы; по этой именно причине отцы с таким самодовольством любят ликами дочерей, в коих видят собственное отражение, облагороженное мягкостью тонов и утонченностью линий. Только я задался вопросом, как эта, столь значимая для меня картина действует на человека постороннего, — прямо за моей спиной чей-то голос произнес:

— Гм! В этом облике ощущаю глубину.

Я обернулся; рядом со мной у камина стоял высокий мужчина, молодой, хотя, возможно, лет на пять-шесть меня старше. Наружность его во всех отношениях была чужда всякой банальности; впрочем, сейчас я не стану выписывать его портрет во всех деталях, так что читателю придется удовольствоваться лишь беглым наброском — тем, что сам я разглядел в первый момент. Я, признаться, не уловил ни оттенка его глаз, ни цвета бровей и волос — только рост и очертания фигуры, и еще — колоритный нос *retrousé*¹. Человека этого я не мог не узнать.

— Добрый вечер, мистер Хансен, — пробормотал я, слегка поклонившись, и тут же непроизвольно, точно забитое, бесправное существо (каким я в общем-то тогда и был), стал потихоньку ретироваться. И почему? Потому только, что мистер Хансен был процветающим фабрикантом, я же — всего лишь клерком в конторе и инстинктивно боялся персоны более высокого ранга. Я частенько видел Хансена в Бигбен-Клоузе — наезжал он едва ли не каждую неделю, поскольку вел какие-то сделки с мистером Кримсвортом, — но ни я с ним ни разу не говорил, ни он со мной; более того, я относил его к своим тайным недоброжелателям: он не единожды оказывался свидетелем обид и оскорблений, наносимых мне Эдвардом. Я был

убежден, что во мне он видел лишь малодушного раба, и теперь мне хотелось поскорее избавиться от его общества.

— Куда ж вы? — спросил он, когда я бочком отодвинулся в сторону.

Я давно уж заметил, что мистер Хансден позволяет себе в общении непочтительно обрывистые реплики, и я с упрямством подумал: «Он считает, что может как угодно говорить с бедным клерком; но я все же не так аморфен, как ему кажется, а эта его грубоватая манера общения не так уж мне и приятна».

Я что-то ответил Хансдену — без особой учтивости, скорее с полнейшим безразличием, — и двинулся было дальше. Но он невозмутимо преградил мне путь.

— Побудьте здесь, — сказал он. — В зале слишком жарко, к тому же вы не танцуете — вы же на этом вечере без дамы.

Хансден был прав; кроме того, ни взгляд его, ни интонация, ни то, как он держался, не внушили мне неприязни; да и самолюбие мое было польщено: обратился он ко мне не из снисхождения, но потому, что, зайдя освежиться в прохладную столовую, захотел с кем-нибудь перекинуться словом. Я терпеть не мог, когда ко мне милостиво снисходили — любезность же оказать я всегда был готов. Так что я остался.

— Хорошая картина, — продолжал он, вернувшись к портрету.

— Вы находите это лицо миловидным? — спросил я.

— Миловидным?! Ну как оно может казаться миловидным?

Запавшие глаза, ввалившиеся щеки. Хотя лицо своеобразно, в нем чувствуется мысль. С этой женщиной, будь она жива, можно было бы беседовать на многие предметы помимо нарядов, визитов и комплиментов.

Я мысленно согласился, однако промолчал. Хансден же продолжил:

— Меня несколько не восхищает такой тип лица; в нем недостает характера, силы; оно слишком чув-стви-тель-но, особенно рот. Кроме того, у нее на лбу написан аристократизм, она аристократка всем своим обликом; я же не выношу аристократов.

— Вы полагаете, значит, мистер Хансден, что благородное происхождение проглядывает в отточенности черт лица и в фигуре?

— К черту это благородное происхождение! Кого волнует, что у ваших лордов есть эта «отточенность черт лица и фигура», когда у нас, у ***ширских коммерсантов, своя красота? Только чья лучше?

Уж точно не их. А насчет ваших женщин — есть, знаете ли, маленькая разница: с самого детства они пекутся о своей красоте и манерах и благодаря уходу и соответствующему воспитанию могут добиться определенной степени превосходства — прямо как восточные одалиски. Хотя и это превосходство их сомнительно. Сравните изображенную на этом портрете леди с миссис Эдвард Кримсворт — кто лучше?

— Сравните себя с мистером Кримсвортом, мистер Хансен, — парировал я спокойно.

— О, Кримсворт обошел меня, я знаю. Прямой нос, брови дугой и все такое; но эти преимущества — если это вообще преимущества — он унаследовал не от матери-аристократки, а от отца, Кримсворта-старшего, который, как говорит мой отец, «был первокласснейшим ***ширским красильщиком, когда-либо клавшим в бак индиго», и вдобавок красивейшим мужчиной на три райдинга². А вот вы, Уильям, аристократ в своем семействе, — вы далеко не такой славный малый, как ваш братец-плебей.

В столь резкой, категорической манере мистера Хансдена было что-то, мне понравившееся: все это говорилось мне напрямик, в лицо.

— Как случилось вам узнать, — продолжил я беседу, — что мы с мистером Кримсвортом братья? Я думал, во мне видят лишь бедного клерка.

— Да так оно и есть. А кто ж вы, как не бедный клерк? Вы работаете на Кримсворта, и он вам за это платит — жалкие, кстати, деньги.

Я промолчал. Речи мистера Хансдена уже граничили с наглостью, однако его манера говорить по-прежнему ничуть меня не задевала, лишь возбуждала любопытство. Мне хотелось, чтобы он продолжал.

— Нелеп этот мир, — изрек он.

— Почему так, мистер Хансен?

— Вы еще спрашиваете! Вы сами — убедительнейшее доказательство той нелепости, о которой я говорю.

Я хранил молчание, ожидая, что Хансен объяснится.

— Сделаться коммерсантом — собственное ваше намерение? — осведомился он, минуту помолчав.

— Да, притом вполне серьезное намерение.

— Гм, тем больший вы глупец... Да, вы просто вылитый коммерсант! И какое лицо у вас — лицо делового, предприимчивого

человека!

— Мое лицо такое, каким Бог сотворил, мистер Хансен.

— И лицо ваше, и голову Бог творил явно не для К***. Что хорошего вам принесут здесь эти ваши глупые идеалы, достоинства, совесть и прочий бред. Хотя, если вам нравится в Бигбен-Клоузе, оставайтесь — мое дело сторона.

— Может, у меня нет выбора.

— Ну, мне, знаете ли, без разницы, что вы делаете и к чему идете. Однако я уже освежился — хочу снова танцевать; к тому же я заметил такую милую девицу — сидит возле маменьки на краешке софы; будь я проклят, если сейчас же ее не приглашу! Там уже Сэм Уэдди к ней подбирается — или я его не обставлю?

И мистер Хансен зашагал прочь. Я следил за ним через раскрытые двухстворчатые двери; я видел, как он опередил Уэдди и, подойдя к довольно миловидной юной леди, вскоре торжественно повел ее в центр залы. Это была высокая, хорошо сложенная, с развитыми формами особа, броско одетая — весьма в стиле миссис Эдвард Кримсворт. Хансен вдохновенно кружил ее в вальсе. Весь оставшийся вечер он держался возле этой девицы, и по ее оживленному и радостному лицу я заключил, что Хансен понравился ей совершенно. Маменька ее (дородная дама в тюрбане), миссис Луптон, вид имела тоже вполне довольный, и мысленный ее взор, вероятно, уже ласкали разные пророческие видения. Хансен происходил из старинного рода; и хотя Йорк (так звали недавнего моего собеседника) с насмешкой отвергал преимущества благородного происхождения, в глубине души, подозреваю, он прекрасно знал и безусловно ценил свою принадлежность к древнему и знатному роду, выделявшую его в этом молодом, стремительно разросшемся городке К***, среди жителей которого дай бог если один из тысячи знал собственного деда. Более того, Хансены некогда были весьма богаты; Йорк же, по слухам, обещал в случае процветания его дела вернуть былое благоденствие своему несколько захиревшему дому. Так что вполне естественно, что широкое лицо миссис Луптон расплывалось в счастливой улыбке, когда она созерцала, как наследник Хансен-Вуда увивается за ее драгоценной Сарой Мартой. Я же, беспристрастный наблюдатель, вскоре догадался, что почва под этими материнскими радостями на самом-то деле зыбкая; сей джентльмен

явно был куда более жаждущим произвести впечатление на юную деву, нежели способным ею впечатлиться.

Было нечто необычное в мистере Хансдене, что, пока я издали его разглядывал (а ничего более занимательного мне не представлялось), навело на мысль, будто он иностранец. Судя по его наружности, по отдельным чертам лица Хансдена можно было назвать англичанином, хотя и здесь улавливалось что-то галльское; однако английской сдержанности в нем не было ни капли — не знаю уж, где он научился держаться столь непринужденно. Он не допускал, чтобы какая-то робость, какие-то условности этикета встали препятствием ему на пути к выгоде или удовольствиям. Утонченностью Хансден не отличался, хотя не был и вульгарен; он не казался странным типом, не выглядел чужаком, хотя подобного человека мне встречать еще не приводилось; то, как он обычно вел себя, указывало на полное игнорирование чужих мнений, на почти что безграничную самоуверенность. Впрочем, бывало, лицо его окутывалось какой-то угрюмой тенью, в чем видел я признак внезапного и глубокого сомнения Хансдена в себе, в своих речах и действиях, признак неудовлетворенности собой, жизнью или общественным положением, или возможными перспективами — уж не знаю чем; возможно, наконец, так всего лишь проявлялась непредсказуемая изменчивость его натуры.

¹ Вздернутый, курносый (фр.).

² Райдинг — административная единица графства Йоркшир.

Глава IV

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ